

16 ИЮН 1981

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

И СНОВА ЦВЕТУТ ТОПОЛЯ...

К 40-летию начала Великой Отечественной войны

«В то время, когда над нашей страной нависла тяжелая угроза, я хочу защищать ее до конца. Буду бороться до последней капли крови за независимость, честь и свободу любимой Родины. Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б)».

(Из заявления о приеме в партию В. Я. Ткаленко. Приводится в книге генерал-полковника В. А. Грекова «Битва за Сталинград»).

Исполняется сорок лет со дня начала Великой Отечественной войны. Мысли и чувства советских людей вновь и вновь обращаются в те суровые годы, когда народ в смертельной схватке с фашизмом отстаивал свободу и независимость Родины, мир и счастье грядущих поколений. В летописи великой народной войны навечно вписаны примеры беззаветного патриотизма солдат Отечества. Но многие подвиги остались неизвестными, имена многих героев — не названными. И тогда в самых сокровенных нравственных глубинах народа родился девиз: никто и ничто не должно быть забыто. Одними из первых взяли на себя эту миссию Памяти советские писатели. На XXII съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев дал высокую оценку произведению, которое, воскрешая героическое прошлое, заставляет еще и еще раз преклониться перед силой духа живых и мертвых бойцов, делают молоденькую причастной и подвигу отцов.

К числу таких произведений принадлежит книга Константина Симонова. Писатель вместе со своими героями прошел по горячим снегу военных дорог, своими глазами видел безмер-

Эта была одна из последних встреч Константина Симонова с читателями. Она проходила в МГУ, на Ленинских горах: участники литературной студенческой конференции обсуждали новые произведения писателя о войне. Симонов тогда болел, лежал в клинике, и врачи отпустили его на несколько часов. Константин Михайлович поехал в МГУ вместе с навесившим его накануне старым знакомым по фронту...

Как обычно, писателю задавали много вопросов. Среди них был и такой: много ли «домыслил» он в своих персонажах? Существовали ли эти люди доподлинно такими, какими их изобразил автор?

— Существовали. И существуют, — ответил Константин Михайлович. — Между прочим, один из них сейчас в этом зале. А ну-ка, Вадим Яковлевич, покажите.

Высокий человек с седыми усами смущенно поднялся с места. — Вот вам «в натуре» комбат Ткаленко, главный герой моего очерка «Бой на окраине», написанного в сентябре 1942.

До войны Вадим Ткаленко окончил Штеровский энерготехникум, служил в армии. На передовой оказался в первый же день войны. Их часть стояла тогда вблизи западной границы. На всю жизнь осталась у него в памяти маленькая

деревенка на Волыни и белая, с разрисованной алыми маками печкой, крестьянская хата, где ночевал он последнюю мирную ночь. А ночь была тихая, теплая, светлая. И стройный красавец тополь, что рос у хаты, серебрился в лунном сиянии... Потом были тяжкие лето и осень 41-го. Бой. Отступление. Рейды во вражеском тылу. Взыбленная снарядными и потемневшая от крови стремнина Дона... И двести огненных дней и ночей в Сталинграде.

А оттуда, с берегов Волги, — победный путь на запад, через пропахшие порохом поля и сгоревшие роши, через разрушенные города и опустевшие села... Что вспоминается сейчас Вадиму Яковлевичу в эти июньские дни, какая из тысяч и тысяч многотрудных военных верст? А может быть, видится ему тот серебристый тополь, к которому он снова возвратился через три года?

— Командир батальона, старший лейтенант Вадим Яковлевич Ткаленко, при первом взгляде чем-то неуловимо напоминает Чапаева. Может быть, это сходство делают светлые пшеничные, загибающиеся кверху усы, такие же светлые пристальные глаза и слегка набегающая надвинутая на русые волосы пилотка... По его почти мальчишескому худобе, по угловатым движениям замечаешь, что он еще очень молод...

Таким увидел его К. Симонов почти сорок лет назад. Подполковник Вадим Яковлевич Ткаленко, при первом взгляде чем-то неуловимо напоминает Чапаева. Может быть, это сходство делают светлые пшеничные, загибающиеся кверху усы, такие же светлые пристальные глаза и слегка набегающая надвинутая на русые волосы пилотка... По его почти мальчишескому худобе, по угловатым движениям замечаешь, что он еще очень молод...

Иногда Ткаленко приходил к нам в редакцию в точно условленный час («Я же человек военный!»), и первое, что бросалось в глаза, — особая, как бы подчеркнутая подтянутость и прямого худощавой фигуры. И невольно подумалось: чего, наверно, стоит эта гвардейская выправка человеку, у которого осколком поврежден позвоночник, разорвано двумя пулями легкое, «да и вообще живого места на теле нету, восемь ранений — и все тяжёлое».

Метил меня железом фашист, метил, а я живучим оказался, — улыбнулся Ткаленко, как бы угадывая мысль собеседника.

В бою под Ростовом его вынесли из-под огня почти без признаков жизни. В полку посчитали погибшим. Посмертно он был награжден орденом Ленина. После госпиталя приехал домой на побывку. Однажды, войдя в комнату, увидел бледное застывшее лицо жены: в руках у нее был серый листок... Он сразу все понял: похоронка... «Брат», — спросил он тихо. — «Нет, ты...»

Когда в госпитале воскрес из мертвых, мне доктор сказал: «Живой будешь, а вот здоровый нет». А я после того еще сколько воевал! Победу в строю встретил. А потом двадцать лет монтажным работал на восстановлении шахт, профессия нелегкая, сами понимаете. И ничего, свое дело, говорил, делал неплохо. Ну, да не об этом сейчас речь. — прервал он себя. — Познакомился я с Симоновым в Сталинграде летом сорок второго...

После ожесточенных боев на нашем участке наступило затишье. В один из танцев дней к нам в расположение батальона приехал комиссар бригады Греков, а с ним двое незнакомых: один, постарше, штатского вида, хотя и в генеральском чине (это был, как я узнал позднее, редактор «Красной звезды» Ортенберг), второй — молодой, стройный, темноглазый — в звании старшего батальонного комиссара. «То вариш из газеты», — показал Греков на молодого, — интересно расспросил боя за послон Рынок. Идите с корреспондентом в блиндаж и ответьте на его вопросы». «Симонов», — назвал себя корреспондент. Фамилия была мне знакома. «Иди меня?» — спросил я. Симонов улыбнулся.

Мы двинулись по ходу сообщения. Только смотрите, — крикнул нам вслед генерал, — на передний край его не пускайте. Но приказ этот я не выполнил... Подробно расспросил обо всем, Симонов попросил проводить его на передовую. А когда я стал отказываться, улыбаясь, сказал: «Я старше вас по званию, и вы обязаны меня слушаться».

Время было после полудня. Вглядываясь в серую выжженную степь, мой спутник приподнялся над бруствером. И тут ударила снарядом. У Симонова осколком задело фуражку. Он поднял его с земли и положил в карман: «На память...».

Вскоре в газете «Красная звезда» был напечатан очерк «Бой на окраине», где рассказывалось, как был отбит у врага поселок Рынок и как доблестно действовал старший лейтенант Ткаленко.

Война свела их однажды и тут же развела, увлекая шквалом событий. Но люди героического северного бастиона сталинградской обороны не затерялись в памяти писателя. И когда Симонов начинает работу над художественным произведением о защитниках Сталинграда — повестью «Дни и ночи», перед ним возникает образ молчаливого комбата «с пристальными, твердыми глазами», которому было суждено, как и герою повести, окантаться со своим батальоном на острие событий в дни исторического перелома сталинградского сражения, когда началось генеральное наступление, и «два фронта, как две руки,

сходящиеся по карте, двигались, все приближаясь друг к другу, готовые сомкнуться в донских степях, к западу от Сталинграда».

«После войны, — рассказывает К. Симонов, — мой очерк о Ткаленко несколько раз перепечатывался и в моих книгах, и в разных сборниках, но сам Ткаленко так ни разу и не подал голоса.

4

И СНОВА ЦВЕТУТ ТОПОЛЯ...

Окончание. Начало на 2-й стр.

ухода на учебу на курсы «Выстрел».

«Освобождая Украину, я вышел со своим полком всего на 12 километров севернее того места, откуда начал наступать».

«За годы войны мне много пришлось поновле разрушать, а потом по приходу из армии сразу включился в работу по восстановлению Донбасса. Первые два года работал помощником главного механика угольного треста, а с 1948 года по настоящее время в системе «Шахтострой» — монтажником. Вот так и идут мои житейские дела...»

Семья у меня небольшая — шесть человек. Два сына, дочь, жена и мама. Как бы я хотел, чтобы встретиться всем нам у меня дома и вспомнить былые. Прошло двадцать лет, а кажется, совсем недавно...

«Да, Ткаленко прав, — комментирует эти строки писатель. — Не только тогда, когда я получил это письмо, но и сейчас, еще через десять лет, все равно кажется, что Сталинград — это недавно».

В том котчете о своей жизни — весь человек, с его поразительным мужеством и удивительной скромностью. Все тот же характер, тот же боец переднего края, написавший сорок лет назад в блиндаже, на берегу кипящей от взрывов Волги: «Буду бороться до последней капли крови за независимость, честь и свободу любимой Родины».

— Что и говорить, судьба моего поколения досталась трудная. Я вот живой домой вернулся, а сколько полегло... Вадим Яковлевич помолчал, кедленно, видно, привычным жестом провел по усам. Усы — те же — «чапаевские», только не «пшеничные», а седые.

— С сорок первого года их ошу. Не из прихоти отпустил ли молодечества какого — арок мы с товарищем дали.

Он командовал тогда группой разведчиков, которая только месяцев действовала в

глубоком вражеском тылу. В разведку уходило шесть человек: пять парней и девушка-радистка. Когда вернулись к своим, в живых осталось только двое. «Последнего, четвертого, хоронили уже в расположении наших, умер у нас на руках. Хомею была его фамилия, огромный такой детина, украинец. Улыбнулся нам перед смертью: «Все, — говорит, — хлопцы, конечно, буз и нема». Вот тогда мы с грузинком Самхарадзе и дали друг другу слово: усы, с нами из рейда вышли, в память о друзьях боевых до конца войны носить. Так я с ними всю жизнь и не расстаюсь...».

После войны Вадим Яковлевич не раз бывал в Волгограде, в тех местах, где в сорок втором вел в атаку свой батальон.

«Лощина перед деревней была заминирована противотанковыми минами, и пехота пошла в наступление одна. Прорывался через минные и пулеметные взрывы, батальон под командованием Ткаленко ворвался в деревню. Завязался гранатный рукопашный бой...».

(К. Симонов. «Бой на окраине»).

Там, где когда-то шли жаркие бои, на северной окраине города, у бывшей деревни Рынок, поднялось теперь величественное здание Волжской ГЭС. А у трассы установлен гранитный обелиск воинской славы. Вокруг посажены белые березы.

Непросто уже было нам, ветеранам бригады Горохова, узнать землю, где каждый бугорок кровью полнит. Жизнь стерла следы огня и смерти. Но память войны — она не преходяща. Я вот у себя дома развел сад. Люблю с деревьями возиться, цветами. Мирное занятие, а перед глазами часто прошлое встает: бой, перепады под бомбами, могилы в степи... Нет, война не забывается. И не потому только, что старые раны болят, — душу навеяло опало...

— Легкой жизни мы и после войны для себя не искали, — продолжал он. — Мир ведь не для того отстояли. Помню, замершие копыры — как обелиски над мертвыми шахтами возвышались. Восстанавливать надо было, строить заново. Между прочим, первое здание, которое довелось мне построить, была та самая хата, в которой за день до начала войны пришлось ночевать. Когда гнали мы фашистов к границе, наша часть проходила через те края. И решил я забраться в знакомую деревню, узнать, живы ли хозяева той хаты. Но ничего не нашел. Деревню оккупанты сожгли. И хаты той не было. Только серебристый тополь стоял, как и раньше. На подворье — уцелел чудом. По тополи только и определил, где была хата. А потом тихо подошла ко мне старая женщина, присмотрелся — хозяйка, тетя Матрена. «А деда нашего», — сказала она, — фашисты повесили. А надю на наторгу угнали...». Вернулся я в часть, поговорил с бойцами — поехали мы в деревню и за один сутки сложили Матрене хатупятистенку. Я потом долго

с этой женщиной переписывался.

В канун тридцатилетия Победы Вадим Яковлевич отправился на встречу с однополчанами в г. Ярославль, где формировалась когда-то их дивизия. А оттуда поехал в Москву. Здесь, в квартире К. М. Симонова, на улице Чернышевского, и состоялась встреча писателя с одним из его неведомых героев. Они крепко, без слов обнялись; как обнимаются старые солдаты...

— Я теперь вроде бы в отставке, ушел на заслуженный отдых, как теперь говорят. Но разве «отдых» дается, чтобы на печке лежать? Я таких людей не понимаю... Был у нас, у солдат, высочайший долг — Отечество защитить. А теперь святая обязанность ветеранов — передать нравственный урок пережитого молодости.

Вадим Яковлевич Ткаленко, почетный гражданин г. Антрацита, постоянно бывает в школах, училищах, на предприятиях, рассказывая молодым, как стояли насмерть за родную землю их отцы и деды, о героях войны — живых и мертвых. Из разных городов и сел страны приходят к нему письма от юных следопытов.

Июнь. Ясные дни, теплые тихие ночи. Цветут тополя, роняя с ветвей белый шелковый пух. И вспоминается ветерану то далекое лето. Разорванная бомбами тишина. И зеленое дерево на пепелище — символ торжествующей жизни. Тополя, тополя, солнцем озаренные... Нет, надежды людей на мир не могут, не должны быть обмануты.

И. ТИМОФЕЕВА.

На снимке: К. М. Симонов и В. Я. Ткаленко.

Окончание на 4-й стр.